

Анна Старобинец

Переходный возраст

*Ягодка-малинка,
Ягодка-малинка,
Медок,
Сахарок.
Вышел
Иванушка
Сам
Королек.
Детская считалочка XIX века*

ВОСЕМЬ

Лишь через несколько лет Марина поняла, что тот день – жаркое, пронзительно-солнечное августовское воскресенье – был последним хорошим днем в их жизни. Не то чтобы счастливым – просто хорошим.

В тот день они втроем гуляли по лесу (и она почти радовалась, что купила квартиру именно в Ясенево: где еще в Москве найдешь лес в десяти минутах ходьбы от дома?) и смотрели на птиц.

Птиц было необыкновенно много; захлебываясь сварливыми хриплыми криками, похотливо разевая свои окостеневшие, древние клювы, они носились между деревьями – очень низко, почти над самой землей.

– Мам, они что, ловят тополиный пух? – спросил Максим.

– Вряд ли, – ответила она. – Наверное, они чувствуют, что скоро пойдет дождь. Птицы обычно ведут себя так перед дождем.

– Вот именно, – сказала Вика.

Максим недоверчиво оглядел безоблачное синее небо, потом – птиц. Нахмурился. Попробовал подойти к ним поближе, но птицы, возбужденно постанывая, улетели.

– Мам, а как они называются? – спросил Максим.

– Ну, наверное... стрижи? – рассеянно предположила Марина.

– Конечно, стрижи, – твердо сказала Вика. – Ты что, Максик, не знаешь, как выглядят стрижи?

– А ты что, знаешь? – огрызнулся Максим.

Обратно шли молча. Уже у самого дома Максим вдруг сказал:

– Мне тут не нравится.

– Почему? – удивилась мать. Они переехали год назад, разменяв после развода большую старую квартиру на Таганской (мужу досталась однокомнатная в Марьино, а им – “двушка” в Ясенево), и все это время ей казалось, что дети вполне довольны.

– Тут все дома одинаковые. И некрасивые.

Марина обвела глазами нудные ряды коптившихся на солнце высоток, которые торчали из пыльной газонной зелени, словно гигантские бело-голубые кукурузные початки. Между ними, преодолевая сопротивление влажного, дрожащего, словно желе, воздуха, тяжело и сонно ползали потные люди, раскаленные машины.

– Зато свежий воздух, – устало сказала она.

– Э-ко-ло-ги-я, Максик, – прогнусавила Вика.

На следующий день Максим заболел – тяжело, с высокой температурой. Врач поставил

диагноз “острый отит – воспаление среднего уха”. Три недели спустя он все еще валялся в постели – ни горячие компрессы, ни капли этилового спирта, ни растирания “вьетнамской мазью” не помогали. Так что детский праздник по случаю дня рождения (Максим и Вика были однойцевыми близнецами, и в это воскресенье им как раз исполнялось восемь) пришлось отменить.

День прошел ужасно. Максим безучастно вертел в руках подарок – водный пистолет, без всякого энтузиазма смотрел мультфильмы про космических пришельцев, много капризничал и требовал, чтобы хотя бы в день рождения ему не закапывали в ухо. Вика, узнав, что “девочки не придут”, проревела несколько часов, вечером приготовила в маленькой алюминиевой кастрюльке, которую ей подарила тетя, салат из бумажек, колбасы, кусочков ваты, Максимовых таблеток и пластмассовых морковок, попробовала накормить салатом кота Федю, была за это наказана, снова ревела, а перед сном заявила, что уйдет к папе.

Когда дети заснули, Марина поплелась на кухню. Посидела немного над чаем. Отпила пару глотков, остальное вылила. Потом вымыла посуду, умылась, намазала лицо ночным кремом. Подошла к телефону и набрала номер.

– Да? – с сомнением отозвался сонный мужской голос на другом конце города.

– Почему ты не приехал? Дети тебя ждали.

В трубке заскрежетала, раздраженно громыхнула зажигалка.

– Какие-то помехи... Ты меня слышишь?

– Да.

– Почему ты не приехал?

– Я не успел.

– Не успел за весь день?

– Да.

– Что же ты такого важного делал?

Молчание. Влажной, холодной пятерней прилипнув к трубке, Марина напряженно слушала, как скребутся там, внутри, маленькие острые коготочки – царапают нежную телефонную пластмассу, ковыряются в кабеле, перепиливают провода.

– Что ты такого важного делал?

– Перестань.

Коготочки.

– Хорошо. Перестала.

– Как у вас вообще дела?

Она нажала на рычаг. Постояла немного у телефона, ожидая, что он перезвонит. Вернулась на кухню, увидела, что под столом стошнило кота. Убрала.

Через неделю кот сбежал.

В последнее время Федя вообще вел себя как-то странно. То суетливо прохаживался взад-вперед по подоконнику – шерсть дыбом, спина болезненно топорщится верблюдьим горбом. То вдруг запрыгивал на книжный шкаф и долго неподвижно сидел там, желтыми остекленевшими глазами таращась в пространство. И еще эти странные утробные звуки, которые он издавал, как чревоушитель, не открывая пасти.... Заунывные, тягучие, потусторонние – нечто похожее, думала Марина, обычно звучит в фильме ужасов, перед как происходит самое страшное – мертвец оживает или в окне появляется чье-то безумное окровавленное лицо.

В день побега кот наотрез отказался от еды и питья; несколько часов просидел на шкафу, размахивая напряженным, дрожащим хвостом. Потом вдруг громко зашипел, как новогодняя петарда перед взрывом, и решительно ринулся вниз, прямо на Максима, который мирно сидел себе в кресле и смотрел по телевизору мультики. Все произошло в считанные

секунды. Продолжая шипеть, Федя – их толстый, всегда такой ласковый, такой ленивый кастрированный Федя – наотмашь ударил мальчика лапой по лицу, оставив у него на лбу четыре глубокие кровоточащие борозды. Потом, пролетев чуть не половину комнаты, одним прыжком вскочил на оконную раму (едва не свалился, но уцепился передними лапами и ловко подтянул грузное, нервно подрагивающее тело), весь подобрался, истерично мяукнул и выпрыгнул наружу через открытую форточку.

Марина выбежала на балкон и свесилась вниз, ожидая увидеть на земле полосатый трупик животного. Однако кот уже преспокойно трусил по тротуару куда-то в глубь дворов, словно полет с восьмого этажа был для него привычной ежедневной разминкой.

Больше Марина никогда его не видела. В тот вечер она немного побродила вокруг дома – совершенно безрезультатно – и вернулась обратно с некоторым облегчением. Что бы она стала делать с таким агрессивным котом, если бы он нашелся, было решительно непонятно. Лечить? Усыплять?

“Наверное, он заболел и ушел умирать”, – решила Марина. На следующий день Максиму сделали прививку от бешенства.

Через три недели кот, испуганный и исхудавший, благополучно добрался до их старого дома на Таганской. Еще с месяц он жил на помойке, куда какая-то сердобольная тетушка ежедневно приносила молоко в металлической крышечке и мелко нарезанные сосиски. А когда наступили холода, сердобольная тетушка взяла Федю к себе и назвала его Марусей.

Он умер через десять лет – спокойно, от старости.

ДВЕНАДЦАТЬ

– У вас неблагополучная семья? – спросила Елена Геннадьевна, вежливо прикрывая пухлой ладошкой зевок.

– В каком смысле?

– В смысле – неполная? – задушевым голосом пояснила Елена Геннадьевна и придала своим мутно-голубым коровьим глазам, упиравшимся в бифокальные стекла, еще более вопросительное выражение.

– А при чем тут?.. – мрачно сказала Марина.

– Ну, я прослеживаю некоторую связь. – Елена Геннадьевна скрестила сметанно-белые, усеянные браслетами и пигментными пятнами руки на груди и явно приготовилась к долгой доверительной беседе. – У вашего мальчика имеют место нарушения психики. Это действительно очень серьезно.

Елена Геннадьевна была школьным психологом.

– Какие нарушения?

– Отсутствие внимания, неспособность сконцентрироваться, нарушения памяти, сонливость... – Елена Геннадьевна сняла очки и принялась остервенело, с громким чавкающим звуком тереть руками глаза, – на уроках мальчик не может сосредоточиться...

Марина молчала.

– ...У мальчика плохая успеваемость, мальчик... – Елена Геннадьевна на секунду застыла, вдохновенно подыскивая какой-нибудь еще более удачный синоним, – не проявляет к занятиям интереса.

– Понятно, – сказала Марина.

– Понятно? – изумилась Елена Геннадьевна и перестала выковыривать из глазниц их скользкое содержимое. – А больше вы мне ничего не хотите сказать?

– Что, например?

– Например... то, что у двенадцатилетнего мальчика совершенно нету друзей, вас не удивляет? – Елена Геннадьевна аккуратно вставила очки обратно, в красную лоснящуюся ямку на переносице.

– Максим очень дружит с сестрой – и ему этого вполне достаточно.
– Простите, но я почему-то не вижу между ними большой близости.
– Просто они учатся в параллельных классах – вот вы и не видите. Мне пора, – устало сказала Марина.

– И что, вы совсем не замечали в поведении сына каких-нибудь странностей за последние... э-э... два года? – не сдавалась Елена Геннадьевна.

“Странностей, – грустно подумала Марина, – сколько угодно “странностей”. Не тебе же о них рассказывать, безмозглая ты лягушка”.

– Не замечала.

Марина поднялась.

– И между прочим, его ужасающая физическая форма, – школьный психолог вдруг резко привстала и совершила в сторону удаляющейся родительницы странное движение рукой – словно собиралась ухватить ее за подол пальто, но в последний момент передумала, – это не просто обмен веществ... У человека все взаимосвязано, да! – и психика... и душа...

Марина осторожно прикрыла за собой дверь.

“...И тело – да – и тело – да – и тело”, – застучало у нее в голове в такт шагам.

Когда же все это началось? Действительно два года назад? Три?

Чем больше она об этом думала, тем больше ей казалось, что не два и даже не три, а четыре года назад, после той злополучной, растянувшейся на месяц болезни, – уже тогда что-то нарушилось и в душе, и в теле ее сына.

Сначала совсем немного... Сначала в нем просто появилась какая-то задумчивость, отрешенность, что ли. Он практически перестал гулять. Приходил из школы и сидел все время дома, рисовал, писал что-то в своей тетрадке. Иногда – все реже и реже – за ним заходили мальчики из соседних домов, с которыми он раньше дружил. Были веселые, запыхавшиеся. Нетерпеливо давили грязными пальцами на кнопку звонка. Приносили с собой новенький, хрустящей бежевой кожей обтянутый мяч. Говорили:

– Здравсте, тетя Марина! А вот можно, Макс с нами погуляет?

– Конечно, можно, если он захочет.

Но он не хотел. По-взрослому вежливо и уверенно отказывался, фальшиво улыбался. Настороженно ждал, когда за ними закроется дверь.

На их девятый день рождения гости пришли только к Вике. Максим отказался сидеть с ними за праздничным столом, унес свою долю угощения в детскую и весь вечер провел там один.

Потом... Что было потом? Когда все стало *действительно очень серьезно* ? Когда ему было десять?

ДЕСЯТЬ

Когда ему было десять (он тогда учился в четвертом классе), Марину вызвала в школу классная руководительница. Она сказала, что Максим регулярно отнимает и съедает завтраки своего одноклассника Леши Гвоздева (Марина как-то видела его – щуплого болезненного мальчика с нежно-голубыми венками, просвечивающими сквозь кожу лица) – глазированные сырки и булочки с маслом, которые тот приносит с собой из дому. Это стало известно только вчера – какая-то девочка увидела и пожаловалась. Сам Гвоздев не решался рассказать об этом ни учителям, ни родителям: Максим обещал, что, если что-нибудь

выяснится, он задушит его и зароет в лесу.

– Зароет в... лесу? – тихо переспросила Марина.

– Вот именно. В лесу, – с непроницаемым лицом повторила классная руководительница. – Хотите знать, что было потом?

Марина попыталась представить себе Максима, обеими руками сжимающего тонкую цыплячью шею Леша Гвоздева. Вылезавшие из орбит, налившиеся кровью глаза Леша Гвоздева, ужас на посиневшем лице...

– Потом я попросила вашего сына остаться после уроков и спросила его, как же можно так поступать. Знаете, что он ответил?

Марина отрицательно покачала головой.

– Он ответил: “Мне все можно”. – “Это почему?” – поинтересовалась я. И он мне сказал – знаете, что он мне сказал?

– Что?

– Он сказал: “Мне все можно, потому что я королева”.

– Королева? – изумилась Марина. – Может быть, все же король?

– Нет. Королева. – Классная руководительница посмотрела на нее, как на душевнобольную. – А вы думаете, если бы он сказал “король”, это бы все прояснило?

Потом, когда Марина, нервно расхаживая по комнате и периодически срываясь на крик, спрашивала сына, что все это значит (“Разве я тебя мало кормлю?”, “Может, Леша тебя чем-то обидел?”, “Ты действительно грозился его *задушить*?”), “И что за королева? Ты слышишь меня, при чем здесь *королева*?”), он только молчал. Угрюмо глядел в пол и молчал – как всегда молчат дети, когда они напуганы или не знают, как оправдываться; возможно, им кажется, что молчание делает их невидимыми, несуществующими...

Кончилось тем, что Марина обещала лишить его в ближайшую неделю сладкого (возможно, не самое строгое наказание, но сладости были единственным, что ее сын – уже тогда слишком полный для своего возраста – любил и ценил).

– Не надо, – тихо сказал Максим и впервые за весь разговор поднял на нее глаза. Очень злые, холодные глаза.

И Марине так захотелось убрать, смягчить этот неприятный чужой взгляд, что она ответила:

– Хорошо. Только обещай мне, что ничего подобного больше не повторится.

– Ничего подобного больше не повторится, – эхом отозвался Максим.

Больше на него действительно никогда не жаловались ни одноклассники, ни учителя. (Правда, потом была еще история с книжкой... Когда из школьной библиотеки позвонили и сообщили, что Максим долго не возвращает им книгу, и Максим сказал ей, что потерял. И она сказала: “Ну, ничего” – и заплатила в библиотеке штраф, а через пару дней нашла обложку от этой книги и некоторые страницы, разорванные и помятые, в мусорном ведре и сделала вид, что ничего не заметила... Но это ведь ерунда.)

“Да, кажется, тогда все и началось по-настоящему, – подумала Марина, открывая входную дверь и вдыхая привычный, затхлый домашний запах. – *Странности*”.

ДВЕНАДЦАТЬ

В прихожей ее встретила дочь. Она была худенькая и вертлявая – всем своим видом являла странный контраст близнецу-брату. Вика молча поцеловала мать в щеку, подождала, пока та повесит пальто и наденет тапочки, и хвостиком последовала за ней на кухню.

– Мама, я не хочу жить с Максом в одной комнате, – сказала Вика.

– Почему?

– Он не моется. У нас в комнате плохо пахнет. И еще... по его кровати кто-то ползает.

Насекомые.

– Не выдумывай.

– Да нет же, правда, ползают! Я несколько раз видела. Однажды я даже видела, как они ползали прямо по нему, когда он спал. Пожалуйста, можно я буду жить с тобой?

– Но... Вика, ты же знаешь. У меня в комнате иногда ночует дядя Витя.

– Ну пожалуйста! Дядя Витя – он ведь теперь очень-очень редко приходит!

“...И скоро совсем перестанет приходить”, – подумала Марина, равнодушно вспоминая усталое, хмурое, так и не успевшее стать родным лицо. Два года назад, когда внешне все было еще хорошо, он уже почти переехал к ним. Но все изменилось.

Теперь он приходит *очень-очень редко*, это правда (а кроме него у них вообще никто не бывает). Он приходит поздно, когда дети уже спят, а уйти старается как можно раньше – и она знает почему. В узком коридорчике, ведущем в ванную, в маленькой опрятной кухне он боится столкнуться с ее сыном. С жирным, потным, покрытым коркой угрей существом. Он не хочет братья за те же дверные ручки, к которым прикасались эти липкие руки, или сидеть на стуле, нагретом этой распухшей задницей. Он не хочет вспоминать, как близок был когда-то к тому, чтобы заменить этому уродцу отца.

Он все еще приходит иногда – пассивно позволяя чувству долга, или жалости, или просто привычке привести себя в неудобное чужое место. Поздно вечером он ложится в ее постель, и, приподнимаясь на локте, чтобы выключить свет, она порой ловит на себе его взгляд. Изучающий, брезгливый, удивленный взгляд постороннего, напряженно пытающегося понять, как могла женщина, лежащая рядом с ним, породить на свет такого отвратительного монстра.

Иногда она сама этому удивляется. Иногда она сама хочет уйти и никогда больше не возвращаться сюда. Но она мать. Мать. Это приговор...

– Пожалуйста, можно? – снова спросила Вика.

– Хорошо. Я освобожу тебе полки в шкафу.

Переходный возраст. Просто переходный возраст, – уговаривала себя Марина, копаясь в мятном баракле, рассеянно осматривая и рассовывая по пакетам старые, в катышках, свитера и платья. – В этом возрасте часто нарушается обмен веществ. Отсюда и лишний вес, и угри...” Марина вдруг вспомнила ласкового, болтливого, шустрого мальчика, каким он когда-то был, и на секунду застыла, выронив из рук пакет, – так ярко и так остро было это воспоминание... Переходный возраст – он многое объясняет.

Но как объяснить эту странную, маниакальную боязнь свежего воздуха (зимой он вообще не разрешает проветривать квартиру), эту жуткую потребность в постоянной духоте? И как объяснить то, что он делает...

ест

что он делает с мухами? Сначала ей рассказала Вика, а потом она и сама видела, как он ищет на подоконнике и за батареейдохлых мух, складывает их на бумажку и

ест

уносит в детскую комнату.

Объясняется ли все это переходным возрастом?

Проводив детей в школу, она, как обычно, проветривала квартиру. Зашла в комнату сына (Максим теперь был единственным хозяином детской – Вика там больше не появлялась), настежь распахнула окно и направилась к выходу. Но, проходя мимо незастеленной кровати, вспомнила вдруг слова дочери: *по его кровати кто-то ползает. Насекомые.* Она подошла ближе, осторожно поворошила серое замусоленное одеяло. Вроде

бы никого нет. Нафантазировала.

И все же – что-то было не так. То ли густой затхлый запах особенно усиливался рядом с кроватью, то ли слишком неестественно выглядела подушка: гладкая и тугая, она странно возвышалась над мятым несвежим бельем. Может быть... Марина осторожно взяла подушку за уголок и приподняла – ничего. Но... *какая-то она тяжелая*.

Марина пошарила под наволочкой. Пусто. И, уже вытаскивая руку, нащупала пальцами что-то... шов? застежку?.. Она быстро сдернула наволочку – в воздух поднялась волна гнилого запаха. На гладкой, в чайных разводах и неопределенных старых пятнах, поверхности красовался ровный длинный надрез; к нему с одной стороны толстыми синими нитками были пришиты пуговицы, с другой – из тех же ниток петли. Она расстегнула эти странные пуговицы, сунула руку внутрь, в мягкое месиво перьев, и громко вскрикнула. Пальцы погрузились в мокрое, скользкое, отвратительное.

Она выдернула руку, двумя резкими рывками разодрала ветхую подушечную ткань и уставилась на ее облепленные перьями внутренности. Это было... вероятно, когда-то, довольно давно, это было печеньем, вафлями, шоколадными батончиками. Теперь же превратилось в один липкий вонючий комок, в котором копошились – приветливо кивая черными слепыми головками – маленькие белые черви. (Однажды она уже видела таких. Она видела таких в детстве, в пионерском лагере: они завелись тумбочке у ее соседки, в привезенной из дому еде, которую та хранила весь месяц – не решаясь избавиться от протухших маминых гостинцев.)

“Что это? Запасы?” – с ужасом подумала Марина. Он обжирается сладким до тошноты, а то, что уже не может съесть, прячет в подушке? А может быть, и не только в подушке?

Марина встала на четвереньки и заглянула под кровать. Сахар. Стройными рядами там стояли начатые упаковки с сахарным песком – *вот почему сахар у нас так быстро кончается*, – в некоторых виднелось лишь несколько крупинок на доннышке, другие были заполнены наполовину. Господи. О, Господи. Что с ним такое? Что с ним?

Она выбросила все – запасы сахара, подушку, простыню и даже одеяло. Несколько раз вымыла пол.

Вечером он подошел к ней, тяжело переставляя толстые отекающие ноги, и тихо сказал:

– Ты. Рылась. В моих вещах.

– Максим, ты должен объяснить мне... – начала Марина.

– Ты. Отвечай.

– Как ты разговариваешь с матерью?!

– Ты. Рылась.

– Да, и очень правильно сделала, что рылась! Максим, ты должен понять, что я делаю это не по какому-то злому умыслу, а потому, что ты мой ребенок и я хочу тебе только...

– Я не ребенок.

Она испуганно заглянула в его бессмысленное бледное, похожее на большую оплывшую восковую свечу лицо и добрым искусственным голосом сказала:

– Максимочка, давай мы с тобой завтра сходим к врачу?

– Нет. – Он медленно покачал головой. Потянулся к вазочке с шоколадными конфетами, взял “Белочку”, быстро развернул, затолкал в рот.

Она заметила, что по его носу, увязая торопливыми лапками в жирных порах кожи, ползет муравей. Протянула руку, чтобы стряхнуть, *однажды я видела, как они ползали прямо по нему* но Максим отшатнулся и хрипло сказал:

– Не смей. Ты. Не смей ко мне прикасаться.

“Ты”. Марина вдруг подумала, что уже и не помнит, когда он в последний раз называл ее “мамой”. И еще подумала, что, может быть, не так уж и хочет слышать это слово из его чавкающих слюнявых губ.

Муравей добрался до ноздри и резко затормозил, растерянно помахивая усиками и передними лапками над темной сопящей бездной. Немного помедлил и решительно нырнул

внутри.

– И не смей входить в мою комнату, – сказал Максим. – Ты поняла?

Какую-то силу,

я не ребенок

неизвестную ей, но непреклонную и спокойную силу почувствовала она в нем, и перед этой силой она сама была маленькой, беспомощной и глупой. И эта сила – чем бы она ни была – подчинила ее волю и вынудила ее сказать:

– Да. Я поняла.

Она старалась не задумываться над этим, но все же иногда... иногда она задавала себе вопрос: а любит ли этот мальчик хоть кого-нибудь? Ее – вряд ли. Ни малейших признаков сыновней привязанности он давно уже не выказывал; скорее он ее просто терпит. Сестру – тоже не любит. Хотя раздражает она его немного меньше. По-видимому, для Максима их совместная жизнь – своего рода симбиоз. Он получает здесь питье и еду, они... что получают они? Возможно, “симбиоз” – не совсем то слово... “Паразитизм” будет точнее.

Отец? Также оставляет его абсолютно равнодушным – впрочем, это у них вполне взаимно. Друзей у Максима нет. Животных он боится и даже, пожалуй, ненавидит – достаточно вспомнить того котенка... а лучше не вспоминать.

Два месяца тому назад Марина купила в переходе метро маленького серо-полосатого котенка.

Вика пришла от покупки в восторг, привязала к нитке шуршащий фантик и посвятила весь вечер заигрываниям с Новым Федей. Максим кинул на котенка быстрый неприязненный взгляд и удалился в свою комнату.

Сначала Федя стеснялся. Он забился под батарею и, не шевелясь, жадными глазами следил оттуда за сложными передвижениями загадочного фантика. Но потом все же соблазнился, пару раз высунул из-под батареи растопыренную когтистую лапку и, еще через пару минут, решительно вышел на охоту.

К вечеру он уже освоил диван, кресла и занавески, приспособил обои в коридоре для своих профессиональных точильных нужд и запомнил, где стоят его блюдечки.

За ужином Максим ел необычно мало – все больше наблюдал за поведением нового жильца. Федя, в свою очередь, интересовался Максимом – поначалу издали, с противоположного конца кухни, а потом.... Потом Федя оформился в воинственную дугу, поднял тощий, загнутый в кольцо хвост, отчего неожиданно стал похож на мультипликационную макаку, и как-то полубоком, бравой подпрыгивающей иноходью ринулся к Максиму. У самых его ног котенок притормозил, уцепился когтями за штанину и принялся карабкаться вверх, повисая на передних лапах, пища и соскальзывая, словно неопытный скалолаз над пропастью.

Вика засмеялась. Максим, побледнев, в ужасе уставился на котенка. Затем резким движением стряхнул его со штанины (котенок отлетел метра на два) и, продолжая отчаянно дрыгать ногами, захлебываясь слюной, завизжал: “Убери-и-и! Убери! Убери! Убери! Убери!”, после чего убежал в детскую.

Марина тогда решила, что реакция сына – следствие давнишнего нападения на него Старого Феде. Детская психологическая травма. И подумала: через пару дней привыкнет.

Оказалось, что никакой “пары дней” в запасе нет. На следующее утро она нашла Нового Феде, съевшегося и трясущегося, на кухне под батареей, в луже крови. У Феде было

откушено

оторвано правое ухо. Левое болталось на маленькой ненадежной ниточке кожи.

В тот же день Федя был срочно эвакуирован к дальней родственнице бабе Мане,

которая жила в поселке Кучино. Баба Маня котенка выходила, но в возрасте трех месяцев он все равно умер – от какой-то неизвестной кошачьей болезни.

Так вот, получалось, что этот мальчик никого не любил.

Правда, к одному человеку (и это неприятно удивило и даже рассердило Марину) он некоторое время назад неожиданно проявил внимание и даже что-то вроде заботы. Этим человеком была его бабка, ее бывшая свекровь (теперь уже покойная) – с противным каркающим именем Сара Марковна.

Марина всегда недолюбливала свекровь – не из какого-то инстинктивного недружелюбия или ревности, а, как ей казалось, вполне аргументированно. Дело в том, что, будучи у детей единственной бабушкой (Маринины родители погибли, когда ей было девятнадцать) и не имея других внуков, она не принимала в Максиме и Вике ни малейшего участия, не дарила им подарков, не звала в гости и, кажется, с трудом вспоминала при встрече их имена.

Существовало семейное предание о героической молодости и о материнских подвигах Сары Марковны. По этому преданию, зимой 1943 года Сара Марковна – беременная на девятом месяце вдова (неделю назад она как раз получила похоронку) – ехала в эвакуацию в город Фрунзе, ныне Бишкек, в тряском товарном вагоне холодного, с растрескавшимися стеклами, поезда. Ночью у нее начались схватки, и Сара Марковна в страшных мучениях произвела на свет тройню. Она собственноручно перегрызла пуповины, сняла с себя одежду, завернула в нее младенцев и дала им имена: Роза (в честь своей матери), Аглая (оно казалось ей благозвучным) и Альберт (в честь главного героя ее любимого романа “Консуэло”). Приехав на следующее утро во Фрунзе, Сара Марковна – практически нагая, с тремя младенцами на руках – на глазах у изумленных киргизов прошествовала через рыночную площадь и, почти теряя сознание, присела на скамейку. Новорожденные истошно орали: они хотели есть, но грудь обессиленной Сары Марковны была пуста. В этот-то момент ей и явилась Спасительница. Это была белоснежная коза с большим красивым выменем, полным молока. Никто не заметил, откуда пришла эта коза. Она помогла Саре Марковне выкормить детей, оставаясь с ней неотлучно на протяжении двух последующих лет, а по окончании войны ушла в неизвестном направлении – так же неожиданно, как и появилась.

Марине вся эта история казалась пошлой, фальшивой, скучной, а главное – явно придуманной самой Сарой Марковной и ею же нахально растиражированной. По мнению Марины, мужнина мать была особой самодовольной, недалекой, скряжистой и совсем не жертвенной. А вернее сказать – в высшей степени эгоистичной. Чего стоит хотя бы ужасное вычурное имя, которым она наградила собственного сына – невзирая на то, что большинству ее сограждан (не могла же она этого не осознавать) имя Альберт покажется скорее немецким, чем французским.

В иные моменты Марина пыталась оправдать индифферентность свекрови к Максиму и Вике тяготами и лишениями, которым многодетная Сара Марковна подверглась во время войны. Возможно, маленькие дети как таковые вызывали у нее с тех пор неприятные ассоциации. Однако после развода охота как-то оправдывать Сару Марковну у Марины окончательно пропала.

Эгоизм и полное отсутствие чадолюбия Сара Марковна передала по наследству всем своим троим отпрыскам. Ни Аглая, ни Роза потомством так и не обзавелись. Альберт, в сорок четыре года женившийся на двадцатипятилетней Марине, о детях тоже, в общем, не помышлял, произвел их на свет, скорее, по недосмотру и оставил без особых сожалений в пятьдесят один – когда его хронически запаздывающие “биологические часы” дотикали наконец до законно полагавшегося ему кризиса среднего возраста.

Безусловно, какая-то доля истины в семейной легенде была. По крайней мере Сара Марковна действительно выносила, родила и выкормила во время войны троих детей-близнецов (и эта кошачья ее физиология оказалась столь сильна, что загадочный ген “нескольких дублей” перешел затем к Марининым детям). Однако для Марины было совершенно очевидно, что она осуществила все это не при помощи белоснежной козы. Как бы то ни было, правду (скорее всего, очень скучную и прозаичную) Сара Марковна унесла с собой в могилу.

Сара Марковна умирала тихо и неподвижно. В ночь с 15 на 16 сентября 1998 года ее привезли в грязную убогую больницу в Северном Чертаново с диагнозом “инсульт”, сделали несколько уколов и положили до утра на кровати в коридоре.

Она лежала на спине, под грязной простыней, и чувствовала, как по ее безвольно свесившимся рукам ползают больничные тараканы – но у нее не было сил их стряхнуть.

Утром Сару Марковну, уже парализованную, перевели в отделение интенсивной терапии, где она и провела последние дни своей жизни.

Так сложились обстоятельства, что именно в эти дни ее дети были чрезвычайно заняты и не могли находиться при ней. Впрочем, медсестрам они по возможности щедро заплатили за то, чтобы те относились к парализованной с вниманием и симпатией, вовремя меняли ей судно, переворачивали с боку на бок, делали уколы и боролись с пролежнями. За две недели (именно столько заняло путешествие Сары Марковны от больничной койки до могилы) Аглая приходила к ней дважды, Роза – трижды, а Альберт – только один раз, зато в сопровождении ее внуков.

То, что Вика согласилась на прощальное свидание с неприятной, нелюбимой и вообще совершенно посторонней ей старухой, Марину несколько не удивило: Вика очень ценила общество отца и пользовалась любой возможностью провести с ним время. А вот реакция Максима поставила ее в тупик: он не только покорно потащился тогда в больницу, но и – по возвращении – сам предложил навещать больную бабулю ежедневно.

Он действительно каждый день приходил к ней в палату.

Она лежала на спине и молча наблюдала за тем, что он делает.

Она хотела бы отвернуться, но не могла.

Сильнее всего Вику удивляло, что брат – такой ленивый, жирный, всегда полусонный – на самом деле был куда более, что называется, “организованным”, чем она.

Взять, к примеру, его вещи. Ведь это только на первый взгляд казалось, что они разбросаны в полном беспорядке. В действительности же он хранил их только в строго отведенных им местах. И страшно злился, просто впадал в бешенство, если кто-то – случайно или умышленно – что-нибудь переставлял или перекладывал. Все свои вещи он расположил так, чтобы иметь возможность в любое время дня и ночи даже с закрытыми глазами мгновенно найти и взять то, что ему требовалось.

Или его распорядок дня. По утрам он просыпался сам, без всякого будильника – вернее, задолго до звонка будильника, – и всегда в одно и то же время. Ел тоже по расписанию – то есть ел он, конечно, *все время*, однако самые обильные и основательные приемы пищи всегда происходили по часам. Вроде бы так: в полвосьмого утра – завтрак дома, в полдень –

завтрак в школе, в три – обед в школе, в полпятого – обед дома, в восемь – ужин, в десять – вечерний чай со сладостями, и еще раз в середине ночи (часа в три, как ей казалось, – но точно она не знала) он просыпался и долго и громко чавкал чем-то, заранее припрятанным прямо в кровати.

Вика никогда не видела “клад”, зашитый в подушке. И даже не видела запасы сахара под кроватью Максима. Зато однажды она увидела кое-что другое – и именно это (по крайней мере *это* куда в большей степени, чем запах и другие бытовые неудобства) заставило ее навсегда покинуть детскую.

Однажды, собирая свой школьный портфель, Максим случайно уронил на пол какой-то конверт. Вика незаметно подобрала его, сунула за пазуху и только потом, на уроке, заглянула внутрь.

В конверте лежал небольшой календарик с какой-то пестрой картинкой на оборотной стороне. Четыре числа (по одному в каждом из последних четырех месяцев) были обведены красным. И еще четыре других – синим. Напротив синих раздраженно воткнуты знаки вопроса. Все поля календарика заляпаны какими-то непонятными вычислениями, злобными размазанными зачеркиваниями, корявыми восклицательными и вопросительными знаками.

Вика хотела разорвать и выбросить непонятную находку, но странное ощущение – как будто обведенные числа и загадочные вычисления связаны с ней, именно и непосредственно с ней, – мешало ей это сделать и заставляло вглядываться в календарик снова и снова.

Вдруг она догадалась. Менструации начались у нее совсем недавно, всего несколько месяцев назад, и до сих пор окончательно не установились. Но она была абсолютно уверена – к своему ужасу, более чем уверена: красными кружочками он отметил первые дни ее цикла. Что обозначали синие, она так и не поняла. Но это было не важно. Достаточно было красных. Кроваво-красных. Достаточно было того, что он следил за ней – она скорчилась за партой от стыда и отвращения, – подсматривал за ней.

В тот же день она поговорила с матерью и следующей ночью уже спала рядом с ней.

ШЕСТНАДЦАТЬ

*Сказка,
Присказка,
Прикована невестка
К стуельцу, к ножке,
К липовой лутошке,
К собачьей норе.
Детская считалочка XIX века*

“Или все-таки выйти? Может, самой пригласить? Нет. Вообще не выходить. Постою тут. Слишком много косметики, – в отчаянии думала Вика, изучая себя в зеркале школьного туалета. – Веки вообще не надо было красить. Тем более фиолетовым с блестками – получился совершенно вульгарный вид. И платье надо было надеть длинное. Оно бы хорошо сидело, а это топорщится сзади, приходится все время одергивать. Просто позор. Взяла и испортила себе выпускной вечер”.

Дверь распахнулась, и туалет наполнился страстным гудением дискотеки, сбивчивым цокотом каблучков, шипением дезодорантов, смешанным запахом молодого пота и какой-то цветочной химии.

– Фиолетовый плохо? – спросила Вика подругу, щедрой рукой распределявшую содержимое тюбика с крем-пудрой по блестящей поверхности мясистого прыщавого носа.

– Что “фиолетовый”? – меланхолично уточнила подруга, не отрываясь от своего занятия.

– Ну глаза у меня накрашены фиолетовым!

– А, очень хорошо. Нормально. – Подруга перешла к щекам. – Сейчас, кстати, медляк

будет.

– Да, – обреченно подтвердила Вика и снова подумала, что лучше все-таки переждать этот самый медляк (уже пятый!) в туалете. Предыдущие четыре были сплошным кошмаром. Весь первый она, как дура, просидела на стуле, прислонившись к стенке. Он, правда, тоже сидел – в противоположном конце актового зала, – но смотрел, кажется, на девочку из своего класса, которая, нелепо пружиня на длинных тонких ногах, с кем-то покачивалась у Него прямо перед носом.

Под быструю музыку Вика танцевала в небольшом кружке одноклассниц. Он не танцевал. Сидел, выпрямившись, на стуле и иногда на нее смотрел. Это обнадеживало. Она старалась все делать правильно и красиво, но не была уверена, стоит ли поднимать во время танца руки вверх, а потом, слегка извиваясь, плавно опускать их вниз, эротично проводя вдоль всего тела, – другие девицы так делали, и смотрелось вроде неплохо. Вика попробовала один раз: подняла руки, стала медленно опускать, но при этом как-то внутренне съежилась, и в итоге получилось совершенно не эротично и даже довольно глупо.

Когда медленная музыка заиграла второй раз, она уже хотела выйти из зала, но по дороге ее перехватил Илюша Гусейнов (самый низкорослый во всем выпуске и со слюнявыми губами), она постеснялась отказаться и танцевала с ним. Это был настоящий позор. Все видели. И Он видел. Илюша был на полголовы ниже ее. Как раз такого роста, чтобы удобно было целовать его в лобик. От него пахло какой-то мазью и ядовитым “Стиморолом”. Все время, пока они переминались с ноги на ногу, он затравленно жевал, молчал, а когда музыка стала стихать, облегченно отдернул от нее потные руки, которыми едва прикасался к талии, и быстрыми шагами удалился. При этом оказалось, что дальше был еще целый куплет и все остальные по-прежнему танцевали, а ей пришлось униженно вернуться на свое место. Где она и обнаружила, что у нее порвались колготки и вдоль всей ноги тянется ужасная лохматая стрелка. Так что все последующие быстрые танцы она просидела на стуле.

Третий медляк был “белый” – дамы приглашают кавалеров. Пока она раздумывала над тем, каким именно способом покончит с собой, если сейчас подойдет к Нему, пригласит на танец, а Он откажется, Его уже бойко выдернула с места та самая длинноногая – и, тесно прижавшись к Нему, нарушая все законы ритма (и правила приличия) затеяла что-то вроде ламбады. “Естественно, она Ему нравится, – подумала Вика, осторожно покосившись на соперницу. – Она, во-первых, одета нормально, и колготки у нее целые (Господи, ну почему я не надела длинное, тогда стрелки не было бы заметно!), а во-вторых, она ведь училась с Ним в одном классе... А я в параллельном”. Вика снова взглянула на танцующую пару. Они очень оживленно разговаривали. Вот Он опять с улыбкой что-то сказал ей, наклонившись к самому уху (что это? ей показалось, или Он еще незаметно поцеловал ее в шею? – тогда все! тогда все...), и она громко и радостно засмеялась; Он засмеялся вслед за ней.

А самым ужасным был четвертый. Сначала к ней снова подошел (как ему только хватило наглости? видимо, считает, что она самая непривлекательная из всех трех выпускных классов и готова танцевать с кем угодно) Илюша Гусейнов и молча протянул растопыренную пятерню. Она отказалась, и Илюша, безразлично пожав плечами, тут же адресовал пятерню ее соседке. Соседка с тяжелым вздохом пошла. В этот момент Вика краем глаза заметила, что Он встал. Встал. И пошел через зал – в ее направлении. Вика постаралась спрятать под стулом ногу со стрелкой и приготовилась – глядя на Него, не дыша, слушая истерический стук своего сердца. Он явно шел к ней, вот Он уже совсем рядом, сейчас Он... прошел мимо. Она неподвижно замерла на стуле, не решаясь оглянуться, боясь увидеть, к кому именно он направлялся, перед кем из девочек сейчас смущенно стоит, ожидая ее согласия.

Наконец она все же оглянулась – и успела увидеть Его спину: Он выходил из зала. Неужели совсем ушел? Выпускной бал до двенадцати ночи. А сейчас только одиннадцать тридцать. На полчаса раньше? Она все еще в ужасе смотрела в опустевший дверной проем, когда туда вдруг втиснулся бесформенной массой ее брат (а он что тут делает? он же не

собирался? ему только на бал...). Вика быстро отвернулась и сделала вид, что рассматривает порвавшиеся колготки. Она стеснялась брата. Краснела при мысли, что все в школе знают. Знают, что она и этот тупой неповоротливый урод живут в одном доме. Едят за одним столом. И шестнадцать лет назад родились одновременно, у одной матери, после того как девять месяцев пролежали, тесно прижавшись друг к другу, в ее животе.

Краем взгляда Вика наблюдала за Максимом. Он мутным взглядом обвел актовый зал, тяжело шагнул внутрь – но передумал и вышел. Она облегченно вздохнула. Посидела еще немного, потом встала, подошла к открытой двери и осторожно высунулась. Брата нигде не было видно – наверное, все же ушел домой. Зато к входу в актовый зал широкими торопливыми шагами приближался Леша Гвоздев. Вика нырнула обратно, в музыку и духоту, и улыбнулась. Он все-таки не ушел. Как хорошо, что он все-таки не ушел.

– Так ты идешь? – спросила подруга. Она уже превратила свое лицо в посмертную маску и теперь большими шумными порциями выплескивала за пазуху ароматное содержимое баллончика с дезодорантом – *ш-ш-хх-шшш*.

– Нет, – неуверенно ответила Вика.

– Как нет? – изумилась подруга. *Хх-шшшш*.

– Нет.

– Но это же последний медляк!

– У меня колготки порвались, – сказала Вика.

– А, так я тебе дам. У меня с собой есть запасные.

Вика натянула на ноги светло-бежевые колготки с лайкрой, одернула юбку и вышла из туалета.

В коридоре, рядом с актовым залом, стоял Леша Гвоздев и, мрачно нахмурившись, очень сосредоточенно изучал темно-зеленый пупырчатый столб, на котором обычно вывешивались школьные объявления. Приближаясь к нему, Вика одернула юбку, ускорила шаг и подумала, что сейчас уже совершенно невозможно представить его маленьким: в младших классах он был щуплым и слабеньким, как цыпленок. А сейчас стал таким высоким. Таким... недостижимым. Его имя писали на стенах женского туалета девочки из восьмого класса. И она сама однажды написала на стене его имя: Леша. А потом стерла. Леша.

Он прощальным взглядом окинул столб, потом взглянул на нее – грустно и напряженно – и почти шепотом сказал:

– Давай... можно тебя... потанцуем?

У нее закружилась голова. Она одернула юбку и сказала:

– Можно.

И все было так, как она хотела. Так, как она мечтала последние два года. Он звонил ей каждый вечер, и они разговаривали очень подолгу. Они встречались почти каждый день. Правда, к ней он приходил редко – из-за брата находиться дома было практически невозможно: если мать никуда не уходила, им негде было сидеть, кроме кухни (но и там она то и дело появлялась: даже не обнимешься), но когда мать отсутствовала, получалось даже хуже. Ее комната тогда была свободна, но ощущение, что за стенкой лежит на своей вонючей кровати Максим – и в любой момент может встать, подойти к их двери, подслушивать, подсматривать, *войти*, – не давало покоя, гнало их на улицу, все дальше, как можно дальше.

Поэтому они либо сидели у Леша (что тоже было не слишком комфортно, потому что она не нравилась его маме – хотя он это и отрицал), либо ходили в кино, либо, чаще всего, гуляли по лесу. И целовались. И обсуждали свою будущую жизнь.

Тот день – жаркое, пронзительно-солнечное августовское воскресенье – был последним хорошим днем в их жизни.

В тот день они гуляли по лесу (и он держал ее за руку, все время держал ее за руку) и смотрели на птиц.

Птиц было необыкновенно много; захлебываясь сварливыми хриплыми криками, похотливо разевая свои окостеневшие, древние клювы, они носились между деревьями – очень низко, почти над самой землей.

– Интересно, что это за птицы? – спросил Леша.

– Наверное, стрижи, – ответила Вика, и какое-то смутное воспоминание – то ли из детства, то ли из забытого сна – неприятно шевельнулось в ней и тут же исчезло.

– Постой здесь немного, ладно? – сказал Леша. – Мне надо... отойти.

Он отошел за деревья – как можно дальше, чтобы она его не видела, – остановился напротив мощного полусохшего тополя и приспустил джинсы. Подождал немного, пока пропадет эрекция, и прицелился в ствол.

Из-за птичьих криков или из-за собственного журчания он не сразу услышал шаги у себя за спиной. Когда услышал (зачем она за мной пошла? неужели нельзя подождать, пока человек в туалет сходит?), принялся судорожно застегивать ширинку, но молнию заело. И пока Леша раздраженно дергал ее туда-сюда, ему на плечо легла рука, тяжелая и грубая. Не ее рука...

Все еще теребя пальцами расстегнутую ширинку, он повернулся и увидел перед собой Максима.

– Ты помнишь, что я обещал? – шепотом спросил Максим.

– Что... когда? – тоже почему-то шепотом отозвался Леша.

– В четвертом классе. Что я обещал с тобой сделать в четвертом классе.

Леша оставил в покое ширинку, посмотрел Максиму в глаза и только тогда по-настоящему испугался. У Максима были зрачки разного размера. Один колючей маленькой точкой чернел в центре голубого круга. Другой, игнорируя яркое августовское солнце, расплылся во всю ширину и был словно обведен тонким голубым фломастером.

“Это значит, у него что-то с мозгом, – подумал Леша и почувствовал, что пот холодными ручейками потек по его спине и животу, – возможно, опухоль... где-то я про такое читал...”

“Дорогая мама. Мы с Лешей уехали путешествовать. Мы давно это решили, но я боялась тебе сказать, потому что ты бы рассердилась из-за института. Не волнуйся – когда мы вернемся (наверное, через год), я сразу пойду учиться. Пожалуйста, не ищи меня. Целую, Вика”.

Записка – грязный листочек, весь в каких-то пятнах и подтеках – была прицеплена к дверце холодильника магнитным огурцом. Мать сняла ее, перечитала несколько раз. Почерк дочери – немного торопливый и нервный, – но точно ее. Что она, спятила? Путешествовать?

Она нашла Лешин телефон, позвонила. Ольга Константиновна, Лешина мать, сказала, что ее сын тоже куда-то делся.

– Нет, записки не оставил, – сказала она.

Помолчали.

– Ему бы никогда не пришло в голову... Только вашей дочери могло прийти в голову...

– Ольга Константиновна жалобно всхлипнула и повесила трубку.

Конечно, она искала. Все время искала. Аэропорты. Вокзалы. Автобусные станции. Таможни. Списки пассажиров. Фотографии в газете.

Гостиницы. Больницы. Морги. Международный розыск. Милиция. Частные детективы. Гадалки. Они пропали в августе – сейчас уже апрель. Ничего.

А четырнадцатого апреля исчез Максим. Он ушел куда-то под вечер и уже сутки отсутствовал.

Мать решила, что подождет еще пару часов, а потом позвонит в милицию. Поплелась на кухню. Посидела немного над чаем. Отпила пару глотков, остальное вылила. Потом подошла к зеркалу, посмотрела на свое иссохшее, криво зачеркнутое морщинами лицо. “Я стала похожа на мумию, – подумала она. – Я стала похожа на старуху”.

Прежде чем звонить в милицию, она захотела еще раз осмотреть комнату Максима. Вдруг все-таки оставил записку – просто она куда-нибудь завалилась?

Привычно задержав дыхание и приготовившись к предстоящему приступу тошноты, она зашла внутрь. Но запах на этот раз был почти нормальный: она открыла окно еще вчера, после его ухода, и за сутки комната хорошо проветрилась.

Тюлевые занавески слегка подрагивали от ветра. Миллионы золотистых пылинок, словно стайка невесомых микроскопических насекомых, самозабвенно барахтались в последних солнечных лучах. Непривычно посвежевшая, доверчиво впускающая в себя пепельные хлопья тополиного пуха, уличные крики и запах бензина комната казалась удивленной и покинутой. Покинутой навсегда.

Записки не было. На всякий случай мать заглянула под стол, за тумбочку и под кровать. Сахар. Как всегда сахар. Но среди полупустых прозрачных упаковок она вдруг разглядела еще что-то. Какую-то тетрадь.

На обложке детскими печатными разноцветными буквами было выведено: ДНИВНИК МАКСИМА.

Она открыла его.

Дневник Максима

буду вистьи днивник я уже нималинкий скоро иду вшколу. я некому нипакажу днивник

максим 6 лет

10 июня 1994

я сказал папи што буду вистьи днивник. папа абрадывалсья ипахволил. сказал фсе умныи люди видуд днивник. пишуд туда свайи дила мысли. и папа минья пахволил

А у Вики нет днивника я думаю патамушто ана дура.

11 июня 1994

я нелюблю бабушку папину маму. навера плохо.

на падбаротке у нийо барадафка из нийо растут усы.

она фся пративная. ана нилюбит нашу маму и плохо воспитывала папу. паэтому папа пиребивает фсю жизнь людей. и она старайа бабушка.

12 июня 1994 года

севодня нету некаких мыслей и нет дел тоже. я вынес ведро но это ниочень важно.

15 июня 1994

папа и мама много кричат и сорюца. мы с викой ришили паказать им скаску пра звирей и я придумал скас-ку штобы памирить. там звери спорют друг здругом а патом приходит леф и дарит фсем адинаковыйыи весчи и фсе памирились

ищо я придумал пра касмичиских ператов но. Это мами ниинтиресно и вика нипанимаит

17 июня 1994

скаска палучилась плохо. вика все время нескалька рас забывала слова и плохо непахоже паказывала лису и белку. папа и мама смиялись мало. ани нисмиялись и вечером апять кричали

21 июня 1994

Папа уехал вкамандирофку

25 июня 1994

Севодня мама притварьялась што ей очень весело ана сказала мы пайдьом. В зоопарк или вгости к тети маши. вика хатела к тети маши я хател в зоопарк. мы сыграли в каминь ножницы бумага я выйграл. у миня был каминь а у нийо ножницы
я ее затупил. Ана фсигда паказываит ножницы и щас. Паказала.

Видил: жирафав, слона, бигемота, обизьян, бурава мидведя.

Невидел: страуса и белав мидведя а хатя очень хател.

Сыел: сладкая вата 1 шт. мороженое ягадное встаканчеке 1 шт.

29 июня 1994

Севодня вирнулся папа!!!

2 июля 1994

папа апять уехал в камандирофку. кагда папа уижал мама на нево кричала а потом плакала. вика спрасила когда вирньотца папа но мама сказала эта камандирофка што эта камандирофка очинь длиная может на фсю жизн.
но папа сможет приежать из камандирофки часта дамой по воскресеньям.
очинь страно. я удивилсья и вика удивилась.

16 июля 1994

они нас обманули! обманули! обманули! обманули!
НЕХОЧУ

5 августа 1994

мама с папой развились.

теперь я и вика будим жить с мамой.

я наверна небуду болше висти днивник мне надайело и мне нехочитсья.

20 августа 1994

Мы пирисилились в новуйу квартиру. ана очинь плохая. ана мне савсем не нравитца. можытбыть убижать. мне нравитца та вкоторай мы жыли раньше. эта мне не нравица совсем. она очинь малинькая и некрасивая и неболшая.

1 сентября 1994

сегодня мы пошли в школу и провожала мама. сначала был первый звонок потом урок мира. мы с Викой будим учителя в разных классах. я в А она в Б. жалко пацанушко вика даже плакала но нас все равно отвели в другой класс.

все уроки будит вить надежда Михаловна. она говорит что школа это наш 2 дом и надо беречь его.

Кажется мне не нравится 2 дом.

сонной сидит мальчик он все время кавыряет в носу и ест какашки. После урока он улитайит дамой на самальоте с папой

и за мной придёт папа скоро в школу.

2 сентября 1994

нам раздали прописи и сказали абводить флашки и праводить ровные чортачки. зачем нам раздали?

Внимание внимание! Всем всем всем! нашествие космических пришельцев. Ани движуща са звизды Аль Фабэагама. Нужна вырвать укрытия и атстреливаца. У миня есть савсем новый касмический писталет

4 сентября 1994

нам раздали щотные палочки красные

10 сентября 1994

День рожденья. пришли: папа, бабушка, тетя маша дядя Витя тетя женья. было очень скучно и невиселились

мне подарили заводную машинку хорошую новый партфель

зачем мне партфель у миня уже есть

и подарили книжку про космос хорошую и рубашку плохую.

Веласипед неподарили и нехотят

Вики подарили 2 куклы плахие платье плахойе игрушечный шкафчик и игрушечное кресло все плахойе. а бабушка вообще нечего нам неподарила только подарила коробку с шоколадными конфетами. когда мы ее открыли то увидили что все конфеты побилели. мама очинь розозлилась и сказала они прасрочинные и их надо выбросить. Они атравлинные

за столом мама с папой почти неразговаривали и

Мы с Викторкой думали папа астанеца здесь но он уехал вместе с бабушкой.

если, папа с мамой развились значит они больше друг друга нелюбят.

11 сентября 1994

больше небуду вить дневник

Роман про тоботов

Знакомство

Мы скоро полетим. Нам так сказали. Давайте познакомимся. Максим и Андрей, Леша и Вика, Игорь и Сережа.

Ракета у нас хорошая. Нет невисомости. Есть телевизор. Есть радио. Ракета будет лететь со скоростью второй космической.

Мы летим на несколько планет. На Марс, на Луну, на Венеру.

Что Максим увидел в иллюминаторе

Однажды Максим посмотрел в иллюминатор. Вдруг он закричал Ухты!!! Потом к нему пришли остальныя ребята.

Что же они увидели на Луне? Они увидели замок со стенами и с одной башней. А

вместо другой башни был какбы лакатор.

Ребята, сказал Максим, давайте приземлимся. И вот мы приземлились.

На луне было просторно. Вдруг Максим заметел ракету. Она была с двумя солнечными батареями. Максим приказал, чтобы все пошли в эту ракету.

Там было очень просторно. Хорошие приборы. Мы вообще, эту ракету увидели.

Тоботы которые жили на Луне, погнались за нами. У них еще была одна ракета. На ней они и погнались за нами. Тогда мы выдвинули свои пушки и начали стрелять.

И включили самую большую скорость. Так началась война с Тоботами.

Как мы приземлились на Луне

И так, как мы уже сказали началась война с Тоботами. У Тоботов были очень хорошие орудия. Тоботы вылезли в Космос. И выгнали орудия в Космос.

Потом Андрей увидел в иллюминаторе на Луне укромное место. Мы туда и приземлились.

Как мы победили Тоботов

Однажды Максим сказал чтобы мы взяли спецальные орудия и пошли в окружение. Мы взяли спецальные орудия и пошли в окружение. Андрей скаманда-вал Огонь!!! Мы как пальнули и весь замок разрушелся.

Конец романа. Максим, 7 лет.

Максим. Почти 8 лет

21 августа 1995

Болею. Температура 38 . Очень скушно лежать. Буду опять вести дневник.

Вчера мы с мамой гуляли в лесу. Вика все время воображала.

Видели странных птиц. Вирнее птицы были свида, нормальные но вели себя очень странно. Они громко кричали и все время, открывали клювы. Мама сказала это, потому что скоро пойдет дождь. Но вчера так и не пошел дождь. И даже сегодня не пошел наоборот светит солнце и очень жарко.

Все время думаю про этих птиц. Мне это очень интересно. Ночью я даже видел их во сне. Это был страшный сон. Сначала снилось что, я летаю и было очень приятно. А потом появились огромные птицы и стали за мной гонятся. Они хотели меня съесть. И тут я увидел большую пещеру и полетел туда а птицы полетели за мной. Потом я проснулся.

21 августа 1995 вечер

На самом деле я ни всю правду рассказал про этот сон. Но ведь все равно мой дневник никто не читает так что я все же напишу. Когда мне снилось что я летал я был как бы девочкой. И на мне даже было надето платье похожее как у Вики. Только у нее синее с зелеными полосками а у меня, было черное. И прямо из этого платья росли большие прозрачные крылья.

22 августа 1995

Очень сильно болит ухо.

23 августа 1995

Болит ухо. И как будто там кто то ползает.

Я сказал маме что там кто то ползает. Она сказала так всегда кажется когда простужаешь уши.

25 августа 1995

Весь день болело ухо и еще голова. Там что-то шевелится.

26 августа 1995

Очень больно

1 сентября 1995

Вика пошла в школу а я нет. опять сильно болит голова и очень жарко. Даже трудно писать дневник.

2 сентября 1995

Ночью у меня была высокая температура а утром Вика сказала что я кричал во сне и она, даже звала маму. Я ничего не помню.

Утром мама принесла мне горячее молоко и спросила что, такое страшное я видел во сне. Всевремя она заставляет меня пить горячее молоко. меня от него тошнит. Особенно противные пенки я вытаскиваю их из молока и вешаю на чашку. Я совершенно не помню что, я видел во сне.

2 сентября 1995, вечер

Я вспомнил сон. Мне опять снилось что, я девочка. И у меня есть большие прозрачные крылья. Но мне не хотелось чтобы кто-то их видел поэтому, я сам их себе отрывал руками. И это было очень больно, хуже чем, уши.

Маме не скажу.

5 сентября 1995

Если добавлять в молоко много сахара получается очень вкусно. Оказываетца. Еще очень вкусно гоголь-моголь. Раньше когда мы болели его нам всегда делал папа. А теперь мама. Она делает хуже но, все равно мне нравитца.

9 сентября 1995

Опять страшный сон.

Как будто я выздоровел и пришел в школу. На уроке чтения мне очень захотелось в туалет побольшому и я отпросился. Я пришел в туалет, спустил штаны и увидел что, у меня под одеждой вся кожа черная. Я испугался, подошел к зеркалу и увидел что, лицо у меня тоже все черное а изо рта растут большие черные клыки. И глаза не голубые как у меня, а черные и сплошные. То есть белки тоже черные и совсем сливаются с этими круглыми которые, в жизни голубые.

Я снял всю одежду и стал плакать. Но очень хотелось в туалет побольшому и я сходил. А потом посмотрел и увидел что вышло чтото странное. Много малинь-ких светлых шариков. И тут мне очень захотелось есть и я съел несколько этих шариков. Вкус не помню. Потом я опять заплакал и убивал из туалета. Я бижал по школьному коридору но у меня получалось очень очень медленно. Очень трудно было бижать. Тогда я встал на четвереньки и побижал тогда гораздо быстрее.

Я вбижал в класс и все стали надо мной смеяться и показывать пальцем. И даже Надежда Михайловна смеялась. А потом она сказала иди к доске. И тут я увидел что, я совсем голый и стою на четвереньках. И проснулся.

Максим. Восемь лет

10 сентября 1995

Вчера

Сегодня День рождения. Мама подарила мне водный пистолет. Он мне не нравится.

Вика сказала что, это изза меня к нам не пришли гости и

Вчера я

теперь Вика со мной не разговаривает. Дура! Я же не виноват что, я болею. Вот если бы она болела я бы так низачто ей не сказал.

Вчера я родила своих первых детей. Съела трех. Нужны были силы.

17 сентября 1995

Наш кот взбесился. Я ему ничего плохого не делал. А он прыгнул мне на голову со шкафа и очень сильно оцарапал весь лоб. Ненавижу! А потом он выпрыгнул из окна и убивал. Мама пошла его искать. Если, она его найдет и принесет домой я ночью свежу ему лапы и повешу за хвост.

Я была права. Это хорошее

17 сентября 1995, вечер

Она его не нашла. Говорит что, он заболел бешенством и ушел умирать. Мой котик! Зачем я соберался его мучить? Он же не виноват что, заболел.

Я была права. Это хорошее место. Я не могла

18 сентября 1995

Мне зделали прививку от бешинства. Всетаки если кот найдется я его свежу и побью.

Я не могла бы найти лучшие место для Королевства. Здесь тепло

19 сентября 1995

Здесь тепло и отнаситильно безопасно. Достаточно пищи.

10 ноября 1995

Сегодня я понял что, больше не скучаю по папе. Вот Вика скучает а я нет. Она все время спрашивает когда, папа приедет. Очень любит ходить с ним гулять. А мне все равно. На самом деле мне даже не хочется гулять не с папой не с ребятами. Погода плохая. Холодно и мокро.

11 ноября 1995

Просто я не люблю папу.

И я неуверен что, люблю маму. Иногда я даже думаю что, лучше бы у меня была другая мама.

Что же получится я никого не люблю? Это не правда. Я люблю. Я чувствую что, очень люблю кого то.

Мы очень любим маму. Она родила нас всех. И родит нас еще. Наша мама – Королева. Когда мы вырастем, мы на ней женемся.

Правда, в основном мы бисполые... Но мы все равно поженемся.

Максим. Девять лет

Мне страшно. Мне кажется, что я

Ему десять лет

20 сентября 1997

Уже третий год я живу здесь.
Я живу в голове.

Приказы Королевы:

1. Во всем подчиняться Королеве.

2. Защищать Королеву.

3. Вести дневник.

Вести дневник хорошо. Вести дневник необходимо. Это упорядочивает дела. Это упорядочивает мысли.

4. Создать больше тепла.

В тепле мы будем размножаться. В тепле нам будет хорошо.

5. Кормить Королеву и детей Королевы

6. Делать запасы.

Делать запасы очень важно. Нам уже не хватает пищи. Ее нужно есть. Ее нужно прятать. Ее нужно отнимать.

Необходимы: белки и углеводы.

Белки: мясо (сырое или вареное, тушеное, жареное), насекомые (живые или мертвые), грибы, растения.

Углеводы: пыльцу, сладкий древесный сок и экскременты тлей сложно добыть. Есть много заменителей: сахар, шоколад, карамель, сладкая сдоба, сок арбуза, мед.

Мед теперь безопасен. Теперь мы в нем не увязнем.

Октябрь 1997

Это очень важно. Пока я это помню. Я – Максим. Я учусь в четвертом классе. У меня почти все пятерки.

Когда в следующий раз я открою дневник, я прочитаю эту запись и сразу вспомню. На всякий случай пишу еще раз.

Я – Максим. Я учусь в четвертом классе. У меня почти все пятерки. Мне десять лет. Мою маму зовут

Мы все – братья и сестры. Мы все – дети Королевы. Мы все – одно. Мы – ребенок Королевы. Мы – часть Королевы. Мы Я люблю Королеву. Я – Королева.

Меня зовут Максим. Мне десять лет.

Они не дают мне

Наш род очень древний. Мы живем на Земле сто пятьдесят миллионов лет. За это время мы стали мудрыми.

Мы научились скотоводству. Мы умеем пасти тлей.

Мы научились охоте. Мы умеем охотиться на насекомых, крабов и даже на крупных животных.

Мы научились земледелию. Мы умеем выращивать грибы.

Мы научились градостроительству. Мы умеем строить себе Королевства.
Мы научились войнам. Мы умеем воевать с чужими Королевствами.
Мы научились любви. Мы умеем любить Королеву.
Мы научились рабовладению. Раньше мы умели подчинять себе насекомых и растения.
Теперь мы умеем также подчинять

Они мешают мне

15 ноября

Мать узнала. Спрашивала, кто такая Королева.

Приказы:

1. Защищаться, защищаться, защищаться, защищаться. Ядовитая железа при такой форме существования не годится для нападения и защиты. Защищаться другими средствами.

2. Больше не произносить вслух слово “Королева”.
Это опасно.

3. Больше не трогать его пищу. Глазированные сырки, булки даст Мать.

4. Делать запасы.

Зима

Больше спать. В тепле.

Весна. Лето.

Все по плану.

Ему одиннадцать лет

Осень.

Иногда мне ее даже жалко
нам ее жалко
Она думает, в доме живет ее сын.
А в доме живет Муравейник.
А в доме живет Королевство.

Нам смешно.

Как ее теперь называть? Она же нам теперь не мама. Наша мама – матка. Наша мама – Королева. Королева у нас в голове.

Она – чужая Мать. Она нас просто кормит. Мы не любим Мать. Мы любим маму. Мы любим матку. Мы любим муравьиную матку. Муравьиную Королеву.

23 октября 1998

Они позволили мне написать.

Меня уже почти не осталось. Их очень много во мне. Может быть, несколько тысяч.
Теперь уже трудно подсчитать.

Иногда я понимаю их очень хорошо. Иногда я отчетливо слышу ее голос. Голос Королевы, которая ими управляет. И мной тоже. У нее приятный голос.

Я понимаю, когда они голодны и хотят, чтобы я их накормил. Или когда им холодно. Или когда им страшно и я должен их защищать.

Сейчас я уже не вижу в этом ничего плохого. Наоборот, мой долг – защищать Королеву.

Но, мне кажется, есть что-то большее. Мне кажется, у них есть какая-то цель. Не просто жить во мне и при помощи меня. Что это за цель – я не знаю. Пока они скрывают ее от меня. Возможно, они меня испытывают. Возможно, они мне недостаточно доверяют...

Меня уже почти не осталось. Когда меня не станет совсем, я узнаю их цель.

24 октября

Я учусь почти что на одних пятерки. Как это получается? Я не делаю уроков, я ничего не учу. Я ничего НЕ ЗНАЮ

Мы многое знаем. Мы очень древние.

25 октября

Я должен узнать о них больше.

Я взял в школьной библиотеке очень полезную книжку. Называется – “Насекомые: маленькие друзья и большие враги”. Там есть глава как раз про муравьев.

Если я узнаю о них больше, может быть, я смогу от них

А что, хорошая книга. Мне очень нравится. Давайте вырезать из нее самое интересное и вклеивать в дневник?

Давайте.

Нам интересно. Нам весело. :-)

Экономическое значение муравьев очень велико. Многие из них – полезные почвообразователи. Они перемешивают, рыхлят и удобряют почву. Некоторые муравьи (например, рыжие лесные муравьи или муравьи-портные) используются для борьбы с вредителями растений. Но среди муравьев есть также и разрушители древесины, вредители сельского хозяйства (например, муравьи-жнецы и муравьи-листорезы).

Впрочем, муравьи – жнецы играют и большую положительную роль. Они разносят семена некоторых растений и улучшают почву.

Кроме того, отдельные виды муравьев способны переносить болезни человека и животных.

Размножение и расселение муравьев происходит так : раз в году, обычно в конце лета, в гнезде появляется много крылатых муравьев. В теплые дни они поднимаются в воздух. Стайки ласточек, стрижей и других птиц, громко крича, летают среди муравьев, хватая их. В воздухе или на земле происходит оплодотворение. После этого самцы погибают, а самки отгрызают или обламывают себе крылья и отыскивают себе место для основания гнезда. Найдя гнездо, самка откладывает первую порцию яиц , обычно около десятка.

Гнездо остается жилым восемь–десять лет.

Одна муравьиная семья может достигать миллиона особей.

Одну матку оплодотворяют примерно двадцать самцов. Обычно она делает один брачный вылет, а полученные сперматозоиды – мии расходует на протяжении всей своей жизни. Сперматозоиды каждого самца хранятся в ее организме отдельно, так что в каждой кладке яиц присутствует наследственный вклад только одного отца.

Большая часть ее потомства – бесполое муравьи-рабочие. Когда рабочие муравьи из первой кладки подрастают, самка перестает кормить личинок и занимается только кладкой яиц. Теперь рабочие питаются сами и кормят самку и личинок выделениями своих слюнных желез. Иногда они приносят в гнездо кусочки мертвых насекомых.

Зима.

Меньше двигаться. Находиться в тепле.

Весна. Лето.

А у нас новые детки!

Цикл развития муравьев включает полное превращение — как у всех перепончатокрылых. Сначала из яйца вылупляется личинка. Ее кутикула (наружный покров) в ходе роста несколько раз сменяется. Это называется “линьками”. Личиночная стадия завершается окукливанием.

Перед тем как превратиться в куколку, личинка прекращает питаться, отрыгивает меконий (содержимое своего кишечника) и, у большинства муравьев, окружает себя шелковым коконом (именно эти коконы называют в народе муравьиными яйцами). Внутри куколки происходит радикальная перестройка тела насекомого — безногая мешковидная личинка превращается в морфологически сложную взрослую особь (имаго). Все предшествующие стадии жизненного цикла муравьев объединяют под названием “расплод”.

Ему двенадцать лет

А нам уже четыре.

То есть почти половина жизни уже прожита.

Пора серьезно задуматься о будущем. Кем мы хотим быть? :-)

Осень

Муравьев также привлекает слюна больного человека. Вообще выделения больных людей нравятся им гораздо больше, чем выделения здоровых. Так, муравьи — фараончики нередко обитают в хирургических отделениях. Сотрудникам некоторых больниц Прибалтики лишь недавно удалось справиться с нашествием муравьев. Насекомые прятались в вате и бинтах и во время операций расползались под скальпелем хирурга.

Да, многоуважаемые авторы книги совершенно правы относительно наших вкусов.

Навещаем бабушку каждый день. :-)

Зима

Нет никого в мире, кто пахнет лучше, чем наша Королева.

Но: иногда его Сестра тоже прекрасно пахнет. Нам нравится. Нам хочется

26 февраля 1999

Это кровь. Раз в месяц

Я заметил, что Вика

О, это как раз то, чего хочет Королева. Но сначала нужно все подсчитать.

Весна

Муравьи охотно живут в симбиозе с другими живыми существами. Так, муравьи заботятся о тлях, чтобы иметь возможность питаться их сладкими экскрементами.

Впервые изучением симбиоза муравьев с тлями занялся крупный русский энтомолог А. К. Мордовилко. Установлено, что этот вид симбиоза возник очень давно: в янтаре

обнаружены муравьи вместе с тлями. Муравьи выработали в себе сложные инстинкты, связанные с заботой о тлях. За сладкие экскременты муравьи защищают тлей, стараются переносить их на самые сочные и молодые побеги, а в холодное зимнее время забирают их самок к себе в муравейники.

Зачастую, способствуя размножению тлей, муравьи наносят серьезный вред. Однако в наших лесах муравьи разводят лишь те виды тлей, которые не причиняют серьезного вреда деревьям.

Существует также симбиоз муравьев и “мирмекофильных” растений. Как правило, у таких растений имеются специальные нектарники, выделяющие сладкую жидкость, которая привлекает муравьев. Они устраивают себе гнезда в рыхлой сердцевине таких растений или в пустой полости стебля.

Растения предоставляют муравьям убежище и пищу, а те, в свою очередь, очищают стебли от вредителей и защищают, являясь живыми заменителями колючек.

Примечания Королевы:

20 августа 1995 года я произвела первый за всю историю Земли опыт по захвату человеческого тела и построения в нем Муравейника-Королевства. Для этого я проникла в голову человека через ушной канал и совершила (и по-прежнему совершаю) там все свои кладки – с последующим расселением потомства по всему организму.

Предыдущие опыты с растениями *Endospermum formicarum*, *Cecropia adenopus*, *Myrmecodia pentasperma* и проч. были примерами исключительно удачного взаимовыгодного симбиоза.

Продолжительность жизни человека значительно превышает продолжительность жизни муравья. По моему замыслу, в Человеческом Королевстве мы могли бы прожить не 8–10 лет, а гораздо дольше: двадцать, может быть, тридцать, включившись в жизненный цикл человека. Но я ошиблась. Теперь я вижу, что это не так.

Это тело на самом деле не приспособлено под Королевство. Оно уже приходит в негодность.

Частично разрушены: печень, желудок, желчный пузырь, двенадцатиперстная кишка, мозг.

Нарушена работа: жировых и потовых желез.

Кроме того: в плохом состоянии сердечная мышца (частота сокращений до 150 ударов в минуту, частые нарушения ритма), кожные покровы.

Затруднено мозговое кровообращение.

Плохая перистальтика кишечника.

Наше собственное состояние тоже ухудшается в соответствии с ухудшением состояния Королевства.

При этом возраст тела – всего двенадцать лет.

Сколько еще оно будет функционировать? По моему приказу произведены соответствующие подсчеты. Результат неутешительный: четыре года, максимум – пять.

Считаю необходимым в экстренном порядке изменить ход эксперимента и приказываю

Королева приказывает все подсчитать и уже в ближайшее время приступить к осуществлению Нового Плана.

Лето

Королева очень огорчена. Бедная Королева. :-(Но пока мы ничего не можем поделать.

Ничего не получается! Нет никакой регулярности. В такой ситуации совершенно невозможно рассчитать сроки овуляции. Сомневаемся, что в такой ситуации вообще возможно произвести оплодотворение.

Я очень хочу помочь Королеве, но пока не могу! Я еще недостаточно взрослый. Я боюсь, что у меня сейчас не получится!

Ему тринадцать лет

Осень

Выдержка из очередной блистательной речи Королевы, которую она произнесла перед своими подданными не далее как сегодня утром:

“...и поэтому мы должны приложить все силы к тому, чтобы осуществить наш Новый План. Ведь на сегодняшний день уже ни у кого не возникает сомнений в его простоте, гениальности и своевременности.

Только по-настоящему объединившись, только развиваясь вместе с самого начала – я повторяю: с самого начала! – мы сможем добиться своего. Дашь увеличение продолжительности жизни до 80 лет! Дашь порождение новой, идеальной цивилизации! Друзья мои! Дети мои! Мы сделаем это вместе”.

Всем так понравилась эта речь!

Мне тоже очень понравилась. Нет никого умнее, добрее и талантливее Королевы.

Зима

Выдержка из отчета НКПВЖ – Научного Королевского Подразделения “Вместе – Жизнь”:

“...на данный момент мы можем уже со стопроцентной уверенностью утверждать, что цикл Сестры окончательно установился – менструации и овуляции приходят строго в срок. Однако о немедленной реализации Плана пока еще говорить рано.

Причина: неготовность организма сестры к вынашиванию столь сложного плода (или тем более нескольких плодов). Даже обычная беременность вызывает в организме человеческой особи женского пола самые сложные гормональные изменения. Оплодотворение же ее при помощи спермы, насыщенной муравьиными личинками, повлечет за собой процессы куда более сложные. На сегодняшний день организм Сестры не способен выдержать предполагаемые нагрузки. Она соответственно не сможет в ближайшее время выносить и произвести на свет потомство в соответствии с проектом “Вместе – Жизнь”.

Необходимо ждать. Приблизительный срок ожидания – три года”.

Ему четырнадцать лет

Некрофорез – вынос трупов. Муравьи всегда выносят из муравейника своих мертвых сородичей. Некрофорез непосредственно связан с хеморецепцией. Муравьи очень чувствительны к олеиновой кислоте – одному из продуктов распада насекомых. Особь, испачканная олеиновой кислотой, воспринимается ее сородичами как мертвая и выносится из гнезда, даже если она активно этому сопротивляется.

Мы очень плохо себя чувствуем. Мы болеем. Многие умирают. Хорошо, что в условиях нашего живого Королевства выводить трупы из организма значительно проще, чем в условиях стандартного лесного Муравейника.

Нам грустно. :(Нам страшно. Мы боимся умереть раньше, чем осуществится наш План.

Ему пятнадцать лет

И скоро будет шестнадцать.

Мы держимся как можем.

Пора приступать к копанию норы.

Больше есть. На строительство норы уйдет много физических сил.

Ему шестнадцать лет

Осень

Сегодня мы пришли в лес и начали копать. Это был первый день. Перед началом работ Королева хотела обратиться к нам с воззванием, но не смогла. Она очень больна, наша Королева.

Ждать осталось недолго. Но сможет ли Королева произвести порцию личинок, достаточную для предстоящего оплодотворения? Хватит ли у нее сил?

Нам немного страшно, и все же мы полны надежд.

Зима

Чтобы не падать духом, развлекаем себя как можем. У нас остались последние вырезки из его книжки. Вклеим сюда.

Удивительными умениями обладают муравьи!

Так, листорезы питаются грибами, которые сами же и разводят в подземных камерах. Они подкармливают их удобрениями. Эти удобрения они изготавливают сами, разделившись на несколько “бригад”. Первая отрывает кусочки листьев на деревьях, а затем их измельчает. Вторая приносит измельченную зелень в муравейник. По дороге туда эту бригаду сопровождают крупные муравьи-солдаты. Они обладают мощными челюстями, способными прокусить человеческую кожу.

Дома зелень принимают рабочие муравьи. Они тщательно ее разжевывают. Затем маленькие муравьи-садовницы разделяют получившуюся массу на крохотные порции, уничтожают паразитов и удобряют этой кашицей грибы.

Все рабочие, которые занимаются сельским хозяйством, давно уже утратили способность к воспроизводству потомства. У них попросту отсутствуют необходимые для этого органы. Вот плата за профессиональные навыки!

“Удивительными умениями...” Какая наивность. Какая глупость.

Мы умеем делать вещи куда более сложные.

Но это еще что.

А вот этот отрывок – наш самый любимый.

Мы читаем и смеемся. :-)

Особенности поведения муравьев на протяжении многих лет заставляли ученых предполагать наличие у этих насекомых интеллекта. Однако на сегодняшний день эта версия полностью опровергнута. Доказано, что муравьи руководствуются исключительно сложными инстинктами.

Весна

Нора готова.

Летний день

Я чувствую себя совсем старой. Юность пролетела так незаметно! Сегодняшний день... Ах! Он очень похож на тот, когда я была так молода и так красива! И все мужчины, абсолютно все, увивались вокруг меня. Да, в тот день у меня было множество мужей, не меньше двадцати. И мы танцевали, танцевали, танцевали в воздухе. В тот день я основала Королевство...

Сегодняшний день – самый подходящий для осуществления Плана.

Летний вечер

Сегдня мы осуществили План. Сначала пришлось убить ее самца. А потом я сделал мы сделали это. Она визжала и пыталась сбежать. Мы связали. Мы заклеили рот пластырем. Потом мы сделали, как ты велела. С отвращением. Без желания. Это было так неприятно. Мы ведь любим только тебя, я люблю только тебя, моя Королева!

Мы заставили ее написать записку для Матери.

Мы спрятали ее в норе. Связанную.

Мы будем приносить ей пищу. Мы будем приносить ей воду. Мы даже будем разговаривать с ней. Пока не наступит срок.

Что я сделал. Господи, что я сделал

Моя сестра! Это же моя

Летняя ночь

Мы все здесь – братья и сестры. Мы все – дети Королевы. Мы все – одно. Мы – ребенок Королевы. Мы – часть Королевы. Мы – это я. Я люблю Королеву.

Я – Королева.

Осень. Ему семнадцать лет

Утеплили нору к зиме.

Дожить бы.

Зимний вечер

Мы плохо привязали. Она чуть не сбежала. Она каталась по норе. Она прыгала и била себя в живот.

Она хотела убить наших детей! Она хотела испортить Проект!

Мы очень рассержены.

Хорошо, что мы вовремя успели.

Апрель 2005 года

Это последняя запись. Я умираю. Мы умираем. Больше нет сил. Но я должен успеть к Сестре: подошел срок. Я ведь должен идти к ней, любимая?

Поговори со мной на прощание, поговори с нами, Королева!

Это последняя запись. Я умираю.

Я сделала все, что могла. Я выполнила

Это последняя запись

ПЕРВЫЙ ГОДИК

Вика со стоном выдавила из себя три больших липких яйца, висевших на пуповине, словно нелепая виноградная гроздь. Она умерла спустя несколько минут – как раз когда муравьи стали покидать безжизненное тело ее брата.

Они покидали его тело. Выходили наружу. Тысячи, тысячи.

Сначала они шли по нему – своему остывшему неподвижному дому, – прокладывая тонкие кривые тропинки через щеки, подбородок, через открытые остекленевшие глаза.

Наконец они спустились на землю и медленно, печально, черной траурной колонной двинулись по направлению к яйцам. Их спины мутно лоснились в свете керосиновой лампы.

В центре норы несколько сотен муравьев отделились от общего потока и поползли к выходу. На себе они волокли гигантское скрюченное тело – муравьиную матку. Она была мертва. Они вытащили ее из норы и аккуратно понесли дальше, в глубь леса. В мокрой апрельской земле, в гнилых прошлогодних листьях они хотели похоронить свою Королеву.

Остальные приблизились к кладке. Черными лапками, острыми черными челюстями разорвали мягкую белесую оболочку яиц.

Один малыш был совсем синим и не дышал. Двое других жадно втянули в легкие холодный апрельский воздух и тонко, пронзительно закричали.

Мать обнаружила нору довольно быстро – искала ее бездумно, безучастно, руководствуясь только каким-то жутковатым внутренним чутьем, – и теперь застыла у входа, вглядываясь в ее тусклое нутро.

Муравьи уже перегрызли пуповину и теперь методично таскали в нору листья, травинки и веточки; заботливо обкладывали ими дрожащие маленькие тела.

Она была спокойна, почему-то очень спокойна. Ее сын и дочь лежали перед ней – неподвижные и опустевшие. Теперь они снова обрели свою первозданную похожесть: кожа одинакового бледно-землистого цвета, толстые животы, беспомощно уткнувшиеся в землю. Ее дети. Две окоченевшие оболочки. Она закрыла им глаза и по очереди поцеловала холодные лбы.

Потом посмотрела в дальний угол норы. Двое новорожденных – мальчик и девочка – без конца плакали. Им было холодно. Она сделала шаг в их сторону, но тут же остановилась, почуввав угрозу: при ее приближении суевившиеся вокруг детей муравьи на секунду настороженно замерли, а потом двинулись ей навстречу.

Они не нападали. Они просто не пускали.

Мертвый малыш лежал чуть поодаль. К нему они разрешили ей подойти. Она осторожно взяла его на руки и заметила, что он значительно меньше других (возможно, умер еще в утробе) и у него даже не сформированы половые органы.

Она закопала его неподалеку, под тополем. Максима и Вику с трудом выволокла наружу и оттащила в глубь леса, как можно дальше от норы. Потом вернулась обратно.

Дети по-прежнему плакали.

“Господи, они же хотят есть, – подумала она, – они умрут с голоду. Кто их будет кормить? Там написано, что они кормят личинок выделениями

Им нужно дать молочка, нужно купить им детское питание, нужно

Они кормят личинок выделениями своих слюнных желез

принести погремушки, распашонки

иногда они приносят в гнездо кусочки мертвых насекомых

– Рабочие муравьи питаются сами и кормят личинок выделениями своих слюнных

желез”, – сказала она одними губами.

На следующее утро мать принесла с собой сахар и высыпала его в нору.

Жители Ясенево давно уже не удивляются, встречая на улице эту несчастную. Все к ней привыкли, все ее знают: она свихнулась от горя после того, как потеряла обоих своих детей.

Женщины, бредущие вдоль леса с колясками, и мужчины, выгуливающие после работы своих терпеливых собак, часто видят ее. Она улыбается. Она относит в лес упаковку сахарного песка или пакетик с пирожными – каждый день.

Каждый день.